

**Медиевистика нашего времени:
две модели средневекового прошлого:
открытая лекция А. Г. Еманова в «Свободном университете»
(Тюмень, 26 апреля 2014 г.)**

Лектор — д. и. н., профессор кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Тюменского государственного университета, член американской Академии медиевистики **Александр Георгиевич Еманов**.

Лекция

Для меня большая честь выступить перед широкой аудиторией в формате «Свободного университета». Накануне профессор М. Г. Ганопольский задал мне явно провоцирующий вопрос: «Есть ли вообще в исторической науке сегодня принципиально новые идеи?» Вроде бы сам собою уже подразумевался ответ, что практически ничего нет. Если есть, то это не более чем модификации уже давно высказанных идей. Я ответил, что есть, но эти новые идеи рождаются не в официальных академических структурах, не в университетах, где профессора получают зарплату (порой очень высокую); сегодня самые поразительные новые, неординарные идеи высказываются в свободных университетах Латинской Америки, Южной Африки, Юго-Восточной Азии. Мне думается, нынешний проект свободного университета отражает серьезный потенциал тюменского интеллектуального сообщества.

В сегодняшней лекции мне бы хотелось представить два разных взгляда на средневековое прошлое, две разных модели восприятия Средневековья в современной медиевистике. Медиевистика — это отрасль междисциплинарного, гуманитарного знания о средневековом прошлом человечества. Сам термин «медиевистика» относительно нов — он возник только в XX в., что, наверное, не случайно. Это связано с поиском самоидентичности той группы интеллектуалов-гуманитариев, которые занимались изучением истории Средних веков. Сегодня очевидны различия между «старой» медиевистикой, которая предполагала в качестве объекта своего исследования Западную Европу V–XV вв., Европу католическую, Европу, пользовавшуюся латинским языком, и «новой» медиевистикой, которая утверждается в последние два десятилетия и которая притязает на изучение истории средневекового прошлого всего человечества, а отнюдь не только фатально ограниченного локуса Западной Европы.

Конечно же, здесь мы не можем пройти мимо такого значительного явления, как «школа Анналов», с которой связана революция не только в исторической науке, но и в гуманитарном знании первой трети XX в. Отцами этой «школы Анналов» являются два ярких французских интеллектуала — Марк Блок и Люсьен Февр.

Несколько слов сначала о Марке Блоке: личность совершенно исключительная, выходец из провинции, но из профессорской семьи — его отец профессор истории. С детства Марк Блок вращался в интеллектуальной среде и еще до поступления в гимназию владел классическими языками и основными европейскими. Затем, пройдя гимназию, он поступает в *École normale supérieure* — это Высшая нормальная школа, пединститут в структуре Парижского университета, и успешно там занимается средневековой историей, но средневековой историей своей собственной страны — Франции. Наверное, как если бы кто-то занимался средневековой, скажем, историей России, то это была бы отечественная история. В 1905 г. он успешно окончил университет. Начинается его академическая карьера, и начинается она в провинции — это тоже очень симптома-

тичный момент. Потом он оказывается в Страсбургском университете, а это уже не случайность: именно в Страсбургском университете незадолго до Блока блистал Вильгельм Виндельбанд — один из самых ярких неокантианцев. И именно в Страсбургском университете очень скоро оказывается и Люсьен Февр. Между ними возникает дружба, взаимная приязнь, и именно здесь, в Страсбургском университете, они создают в 1929 г. международный журнал «Анналы», который потом приобретет всемирную известность. На его страницах будут опубликованы самые значительные публикации, переворачивающие представления о Средневековье и вообще об исторической науке.

Марк Блок участвовал в Первой мировой войне, получил воинское звание капитана. В 30-е гг. он появляется в Парижском университете и сразу же становится одной из самых заметных, притягательных фигур, вокруг которой формируется семинар, под его руководством пишутся бакалаврские работы, магистерские и докторские диссертации. Марк Блок стяжал «ореол святости» как участник движения Сопротивления. И именно на полях войны была написана одна из самых блистательных его работ — «Апология истории». Буквально сидя в траншее, когда рядом не было никаких библиотек, ни ноутбук, ни планшетов, только своя собственная голова. Это совершенно феноменальный труд — эрудитский и одновременно высокоинтеллектуальный. Известно, что он был схвачен, попал в плен и закончил свою жизнь под пытками в застенках Гестапо. Наверное, этот ореол мученичества обеспечил значительный интерес к Марку Блоку в России. Это один из немногих представителей «школы Анналов», который стал издаваться на русском языке уже с конца 1950-х гг. («Характерные черты французской аграрной истории»). Другие работы появились уже в конце XX в. на русском языке («Апология истории», «Феодальное общество»).

Люсьен Февр, его ближайший друг и соратник, без такого героического прошлого, тоже из провинции, тоже из профессорской семьи, его отец был профессором филологии. Также учился в *École normale supérieure* и потом начал свою академическую карьеру в провинции, в Страсбурге. И только в начале 30-х гг. он оказался избранным профессором Парижского университета. Не было в его жизни таких героических страниц, как участие в Первой мировой войне, во Второй мировой войне. После войны он стал одним из организаторов и создателей ЮНЕСКО. Конечно же, он был главным редактором журнала «Анналы» до середины 50-х гг., потом он передал эту эстафету Фернану Броделю, представителю уже «второй генерации» «школы Анналов». Он был главным редактором журнала до конца 70-х гг. Ему принадлежит большое количество публикаций, и по большей части эти работы концентрируются на проблематике культуры XVI в. Это был ключевой век в истории Европы, когда Европа очень стремительно менялась, это был век Возрождения, его пика, век Реформации и религиозных войн. Но одновременно это был век и феодальной реакции, Контрреформации, инквизиции, гонений на ведьм.

Преемником Блока и Февра стал Жак Ле Гофф, представитель третьей генерации «анналистов». Нельзя не сказать несколько слов об этом ученом, закончившем в этом месяце (в апреле. — *А. Е.*) свой жизненный путь. Он возглавил журнал «Анналы» как раз с конца 1970-х гг. Не раз был в России, выступал с лекциями в Московском университете. Его перу принадлежит немалое количество работ, и тоже можно заметить, что он достаточно активно переводится на русский язык. Одна из главных работ, которая может восприниматься как манифест «школы Анналов» — «Другие Средние века». Есть еще одна работа, тоже достаточно знаковая в развитии и самого Жака Ле Гоффа и традиции «школы Анналов» — «Рождение Чистилища», которая осмысляет иной вектор движения средневекового общества — «с Небес на Землю». И последний памфлет, который

не был завершен Жаком Ле Гоффом, носил достаточно выразительное название — «С небес на Землю».

Что можно суммировать в качестве общего представления о средневековом прошлом этих представителей «школы Анналов»? Средневековое прошлое оказывалось действительно совершенно иной культурой, радикально отличающейся и от древности, и от Нового времени, и от современности. Эту инаковость определяла ментальность — новая категория, которая была предложена Марком Блоком и была воспринята не только анналистами, но и всей исторической и вообще гуманитарной наукой. Можно заметить, что и в России этим понятием широко пользуются не только в научной литературе, но и в средствах массмедиа, но я вижу, что часто совсем не так, как его осмыслили представители «школы Анналов». Порой за его частым употреблением можно видеть простую дань моде, манифестацию принадлежности к интеллектуальной среде. Очень часто «ментальность» понимается просто как современный синоним рациональности, разумности, хотя представители «школы Анналов» (Марк Блок и Люсьен Февр) как раз говорили, что это не рациональность, а дорациональный уровень мышления. И этот уровень мышления отличается в первую очередь языком, каковым он оперирует. Оказывается, это был совершенно иной язык — невербальный, язык символов, а это сразу же открывает невиданные возможности. На уровне языка символов человеческое подсознание способно оперировать куда большими массивами информации, гораздо быстрее ее перерабатывая. Как раз на уровне оценки этой информации в подсознании возникает предвосхищающее знание, опережающее реальность. Используя такую категорию, медиевисты увидели в Средневековье такие неизмеримые глубины, которые не были известны ни классической древности, ни искусственной модерности. Чего стоит только лишь теория познания, теория понимания, разработанная в Средние века, даже в раннее Средневековье, отцами церкви: каждое явление, каждая вещь понимается в четырех смыслах. Здесь модерность сразу обнаруживает свою ущербность — ее интеллектуальные силы едва ли способны постичь реальность далее поверхностного смысла.

Первый смысл получил название «буквальный», или «исторический», — это просто лишь наименование вещи, не более того. Скажем, «стол» — это предмет, за которым сидят, «стул» — предмет, на котором сидят, и все. Естественно, что для человека Средних веков этот смысл был первой ступенью, и на нем не стоило даже задерживать внимания, надо было двигаться дальше.

Следующий смысл — «аллегорический». Каждый предмет, каждое явление открывали некий сокровенный смысл, который не каждому очевиден.

Затем вслед за ним открывался еще более сокровенный смысл — «тропологический». Он уже обнаруживал связи с трансцендентным миром, вечным миром, миром неизменных ценностей.

Но и этого было недостаточно. Существовал еще четвертый смысл — «анагогический». Он давал высший образец, эталон поведения человека, которому следовало подражать.

Скажем, цветок розы — в буквальном смысле может соотноситься по классификации растений с розоцветными. В аллегорическом смысле — это Иисус Христос, потому что стебли розы с шипами увивают его голову, и этим терниям суждено расцвести. В тропологическом смысле — это Царствие Небесное, а в анагогическом смысле — это путь страданий, который христианин должен претерпеть, дабы обрести Спасение. То есть Средневековье предстало исключительно духовным миром, в котором открывались такие глубинные смыслы, что даже современность рядом с ним выглядит дегенерацией.

Я бы хотел отметить, что у Жака Ле Гоффа было стремление увидеть не только этот идеальный уровень понимания человека Средневековья, но и осознать, что происходит с человеком в века, которые называют «классическим Средневековьем», в XI–XV вв. Именно в эти века возникает практически все, чем гордится сегодняшняя современная цивилизация. Это и римское право (первая перцепция римского права начинается уже в XI в.), и университеты, зарождающиеся со второй половины XII в., и многое другое. Он обратил внимание, что происходит десакрализация мотивов человеческой деятельности, намечается обращение к значимым земным ценностям, радостям человеческой жизни. Жак Ле Гофф, конечно же, здесь обобщает колоссальный опыт всей западной средневековой истории. Он учитывает и теорию агрикультурной революции, которую разрабатывал Жорж Дюби. Это был настоящий прорыв, именно с XI в. появляются представления о возможностях улучшения земли, ее качествах, ее плодородия. Возникает понятие *melioratio*, которого прежде не было. Возникает культура расчетов, прогнозов, урожайности, учитываются расходы и доходы сельского хозяйства. Он учитывает и исследования немецкого средневековед Эдита Эннена, одного из творцов теории урбанистической революции. С XI в. карта Европы мгновенно покрывается новыми городами, которые получают полную свободу, автономию, превращаются в *civitas*. С этими свободными городами связано будущее поступательное развитие Европы.

Он учитывает и теорию торговой революции, которая была предложена американским средневековедом итальянского происхождения Роберто Сабатино Лопецом. В общем, игнорировать этот феномен, наверное, было бы заблуждением. Действительно, с XIII в. происходит качественный прорыв в развитии торговых отношений; возникают совершенно новые инструменты, которых прежде не было, например вексель. Представьте, люди перестали возить деньги мешками, это стало абсурдно и нелепо, достаточно было сдать деньги на месте в ближайший банк, получить от банкира бумагу — вексель, где значилось, сколько денег обеспечивает эта бумага, проехать без всякого груза тысячи километров в другую страну, прийти в банк этой страны и в соответствии с курсом получить в местной валюте, в локальной денежной системе такое же эквивалентное количество денег. Вексель вывел торговлю на качественно иной уровень.

Или возьмем революцию в навигации. Такой концепт предложен итальянским средневековедом Вильмой Боргезе. И тоже с этим нельзя не считаться. В XIV–XV вв. появляются новые типы судов, которые способны были плавать без гребной силы, без пленников и рабов, сознательно приниженных категорий людей. Без всякого усилия, используя лишь смешанную парусную оснастку, они способны были плавать даже против ветра. Их грузоподъемность увеличилась чуть ли не в тысячу раз. Невиданное прежде перемещение между континентами не только товаров и людей, но и идей, стало происходить с необыкновенной быстротой.

Затем возникали еще более тонкие идеи, не такие радикальные, охватывающие все общество. Скажем, идея хронологической революции, развитая английским средневековедом Дэвидом Лэндом. Именно в классическое Средневековье произошло радикальное изменение восприятия времени. Если прежде время было прерогативой Бога, и измерением времени ведала исключительно Церковь, то уже на рубеже XIII–XIV вв. появляется представление об индивидуальном времени, им распоряжается человек. Изобретаются индивидуальные часы. В начале XIV в. в каждом самоуправляющемся городе на ратуше устанавливаются механические часы с боем. А уже в XV в. Альберти сформулирует принцип, который вполне подойдет в качестве кредо для нашего современника Билла Гейтса, — «Время — деньги».

Действительно, многое меняется. Стоит здесь сказать и о сциентистской революции. Эту концепцию развивает немецкий медиевист Герберт Грундманн. Если до классического Средневековья все общество основывалось на авторитете двух инстанций: sacerdotum — «священство» и regnum — «царство», то уже с XII в. появляется еще одна инстанция, которая способна потеснить даже первые две: studium — «знание, учение». Возникают университеты, и мы сразу же видим, что в Оксфордском, Кембриджском университетах профессора входят в палату лордов. Профессора Парижского университета выступают рефери, арбитрами в самых сложнейших спорах, богословских дискуссиях, и они обладают высшим авторитетом. Именно тогда, в XII в., появляется понятие, которого не было: scientia — «наука, знание».

Есть и еще более деликатные наблюдения: скажем, идея информационной революции Майкла Клэнчи. С XII в. появляется новый носитель информации — бумага, которая вытесняет дорогой пергамент. Это приводит к радикальным изменениям: если прежде единственным институтом, который создавал информацию, транслировал ее, была Церковь, монастырь, то сейчас таковыми становятся светские учреждения и университеты прежде всего. В университетах возникают скриптории — предшественники издательств, в которых копируются книги для того, чтобы их выпустить большим тиражом на продажу, на рынок. Студенты активно участвуют в переписывании, что было для них приличным дополнительным заработком. В уставе Падуанского университета, к примеру, было зафиксировано, что не существует университета без традиции копирования.

Многое меняется. Меняется отношение и к телесному началу, и в классическое Средневековье принимается догмат о телесном начале Иисуса Христа, устанавливается праздник тела Господня. Именно в классическое Средневековье между богословами ведутся споры о возможности телесного вознесения на небо Матери Иисуса Христа. Телесность получает оправдание, апологию, чего тоже не было в предшествующие времена.

В общем, Жак Ле Гофф обратил внимание на такие серьезные тренды, как секуляризация мышления, сознания, представлений средневекового человека. Но в целом концепция все-таки остается той же — это представление о Средневековье как об обществе исключительно высокой духовности, которое создало, предопределило, по сути дела, пути развития современной западной цивилизации. Этой концепции присущ прогрессистский, оптимистический взгляд на Средневековье.

Взгляните на обложку журнала «Анналь», который я наугад взял с полки университетской библиотеки. Обратите внимание, на обложке обозначены главные публикации номера; взгляните, как называется первая статья: «Vers la naissance du Purgatoire» — «Против рождения Чистилища». Эта статья оспаривает аргументы Жака Ле Гоффа, представленные в его книге «Рождение Чистилища». Автор — американский медиевист. Он говорит здесь о том, что Чистилище — это жестокий инструмент насилия и подавления личности, поэтому нечего им так восхищаться и изумляться.

Здесь мне бы хотелось сказать о другой, альтернативной модели видения Средних веков. При этом нельзя не коснуться генеалогии данной идеи. И у ее истоков, я думаю, надо поставить такую фигуру, как Чарльз Хомер Хаскинс. Если о Ле Гоффе знают многие, трудно найти интеллектуала, который бы не слышал о Марке Блоке, то, я думаю, о Хаскинсе мало кто знает, хотя по значимости и влиятельности он такая же фигура, как Марк Блок. Он тоже выходец из высокоинтеллектуальной семьи, из провинции (для США вообще, наверное, никаких мегаполисов не существует, там совсем другой уклад жизни). Уже в детстве он свободно говорил по-древнегречески и по-латински. Наверное, второе имя оказалось для него магическим: Хомер — словно бы сам Гомер появился вдруг в Соединенных Штатах. Он был редким вундеркиндом: когда его привели в гимназию, чтобы

он сдал вступительные экзамены, учителя гимназии были изумлены — его сразу можно было переводить в четвертый класс, настолько совершенны были его познания. Хаскинс окончил гимназию, когда ему было 12 лет и сразу поступил в университет. В 16 лет он уже окончил университет со степенью магистра, а в 20 лет защитил докторскую диссертацию. Перед ним открывалась изумительная карьера. Между прочим, он был советником Вудро Вильсона, участвовал в знаменитой Парижской мирной конференции, которая подводила итоги Первой мировой войны и формулировала условия Версальского мирного договора. Именно Хаскинсом была основана Американская академия медиевистики, и именно Хаскинс начал издавать журнал «Speculum», первый номер которого вышел в 1925 г. Название тоже, мне кажется, символическое, весьма не случайное: «Speculum» переводится с латыни как «Зеркало», т. е. ставилась цель отобразить Средневековье таким, каким оно было на самом деле, без приукрашивания, без идеализации, без превознесения, в качестве какого-то недостижимого образца и идеала. Представить Средневековье таким, каким оно было, стало идейной программой, заложенной основателем журнала «Speculum». Хаскинс был профессором Гарвардского университета в Кэмбридже Штата Массачусетс, где и выходил журнал «Speculum». Он автор ряда фундаментальных монографий, которые тематически концентрируются вокруг проблем культуры, знания, науки. Вот монография (демонстрируется книга), которая впервые ставит проблему Возрождения XII в.; то есть до того Возрождения, которое мы все знаем, было столь же замечательное Возрождение XII в. Но почему-то оно не получило развития. Хаскинс обращает на это внимание и говорит о том, что в самом западноевропейском средневековом обществе были так сильны карательные, контролирующие институты, которые не дали этому Возрождению развиваться.

Среди идейных преемников Хаскинса нужно назвать Джо Энн Макнамару. С ее именем связан целый ряд очень крупных работ. Она обращается к статусу женщин в Средние века, развивает феминистско-гендерное направление. Она обращает особое внимание на проявление телесности — в отношении женщин это особо важно и значимо — женщины все-таки настолько сильно отличаются от мужчин, что некоторые говорят, что это не два пола, а два вида человеческого существования.

Стоит сказать и о трудах Элеонор Серл. Она пишет о таких сторонах средневековой жизни, которые прежде вообще не учитывались. Речь идет об изгоях, маргиналах, насилиях над телесностью, проституции, которая была распространена в средневековом обществе. Более того, она была узаконена: городские власти выдавали специальные «лицензии» на занятие этим видом деятельности; проститутки должны были платить налоги со своего дохода и т. д.

Надо упомянуть и о публикациях Кэролайн Уолкер Байнум, еще одной яркой, неординарной исследовательнице. Она посвящает свои работы также телесному началу и обращает внимание на иные аспекты: не на обожествление телесности, а, наоборот, на ее подавление, изувечение тела, кровопролитие, которые бесконечно совершались в Средние века. Она говорит о флагеллантах, бичующихся, которые ходили раздетыми и специальными хлыстами с металлическими шипами стегали себя по спине до самых пяток, разрывая в кровь свою плоть. Она пишет об этих сниженных проявлениях телесности — крови, выделениях, что прежде не было объектом пристального внимания историков.

Наконец, можно назвать работы Сюзанны Уэмпл, которая изучает историю женщин, магии, преследование женщин за магию.

Взгляните на обложку журнала «Speculum», взятого мной из книжного шкафа нашей кафедры.

В целом, какое представление складывается о Средних веках у американских исследователей, которые объединяются вокруг журнала «Speculum»? Средневековое общество — это репрессивное общество. Тотально подавляются все, кто хоть чуть-чуть отличается от упорядоченного, нормативного христианина: это — евреи, арабы, их потомки — мориски, иудеохристиане, еретики... Они подвергаются сегрегации. В отношении еретиков применяется насильственное уничтожение до последнего человека, чтобы их вообще не осталось на земле. Это общество, где практиковались жестокие преследования за гомосексуализм, насильственная кастрация, сжигание на костре людей, замеченных в таких преступлениях против норм христианской Церкви. Общество было лишено свободы на частную жизнь. В нем настолько все регламентировано, что человек полностью подавлен, «иные» лишены каких-либо прав и возможности защиты. Это было общество, в котором невозможно говорить даже о возникновении культуры в привычном смысле слова. И то, что западноевропейские медиевисты считают культурой, их американские оппоненты называют патологией, патогенезом культуры, поскольку подлинная культура возможна только тогда, когда есть многообразие, разнообразие и когда эта разность признается равноправной и свободно действующей.

Таковы две модели средневекового прошлого. На этом я могу завершить.

«Свободный микрофон»

М. Г. Агапов, модератор лекции: Я думаю, сейчас будут вопросы и, как показывает наш опыт, это тоже своего рода продолжение лекции. Уважаемые коллеги, сейчас, пожалуйста, задайте только краткие уточняющие вопросы, а после этого мы перейдем к дискуссии, где каждый из присутствующих сможет высказать свою точку зрения уже в развернутом виде.

С. Стрельников, аспирант кафедры политологии ТюмГУ: Я задам короткий вопрос. Концепция «Нового Средневековья» и «школа Анналов» — как они соотносятся?

А. Г. Еманов: «Новое Средневековье» — это концепт, который предполагает цикличность в развитии культуры, т. е. восхождение до некоего оптимума, а потом идет упадок, падение. И «Новое Средневековье» возникает всякий раз, когда делается очередной цикл, очередной круг. Но есть разные оценки качества того, что такое Средневековье, которые каждый раз вновь появляются. Одни исследователи полагают, что Средневековье дает возможность обращения к духовным началам, христианским началам, первоначалам человечества. Это высокое и положительное оценивание Средневековья. Скажем, русский интеллектуал Павел Флоренский именно в таком смысле говорил о «Новом Средневековье» в начале XX в. Нечто похожее можно увидеть у Бердяева, одна из работ которого названа «Новое Средневековье». Но есть исследователи, которые Средневековье оценивают несколько иначе, как время репрессий, подавлений, инквизиции, гонений на ведьм, и тогда возвраты к такому похожему состоянию оцениваются негативно.

С. Распопов, студент ТюмГУ: Как соотносятся американская школа Средневековья и существовавшая позитивистская школа в Европе, в Германии (Вернер Зомбарт и Макс Вебер, Ланглюа и Сеньобос)?

А. Г. Е.: Соотношение есть, хотя, может быть, не такое очевидное, как вы это обозначили. Все-таки по сравнению с позитивизмом можно, напротив, видеть разрыв, дистанцирование. Единственное, что, может быть, объединяет американскую школу с

позитивизмом — это высокое представление об истории как о науке, а не как об искусстве в виде литературного творчества. Обратите внимание, в начале XX в. было очень большое сомнение: наука ли история? Был даже такой спор, когда на Нобелевскую премию по литературе было подано несколько кандидатур историков. И Моммзен, историк, получил Нобелевскую премию — беспрецедентный случай. Это следствие того, что были большие сомнения, что история является наукой? Все-таки представители «школы Анналов», мне кажется, смогли показать, что история — это наука, но она оперирует совершенно особым инструментарием, очень сильно отличающимся от того, который был в позитивизме. В позитивизме все-таки все закономерно, предопределено, и подобно тому, как в физике все процессы предопределены и детерминированы, так же и в обществе. В этом плане есть разница, но и некоторый элемент сходства присутствует. А что касается Макса Вебера, я бы не отнес его к позитивистам. Макс Вебер — это представитель неокантианской традиции, он прямой ученик Виндельбанда, того интеллектуала и светила, который был в Страсбургском университете и интеллектуальное влияние которого сказалось на Блоке и Февре.

М. Г. А.: Александр Георгиевич, вы говорили о том, что в Средневековье было четыре смысла каждого предмета. Но все-таки это, наверное, удел какой-то высокой средневековой культуры?

А. Г. Е.: Да, безусловно, приходится это признать. Хотя... Да, вроде бы это удел высоколобой культуры, но есть храмы, где все подчиняется этим законам и все верующие ежедневно посещают храм. Они волей-неволей приобщаются к этой традиции понимания каждого знака, каждого символа в четырех смыслах. Они слушают проповеди, слушают пояснения, и можно говорить о том, что это знание становится достоянием людей бесписьменной культуры, всей массы «безмолствующего большинства».

М. Г. А.: Итак, уважаемые коллеги, пожалуйста, кто желает высказать свои суждения, задать развернутый вопрос, вступить с лектором в полемику. Пожалуйста.

Ю. Осокина, историк: У меня несколько частный вопрос, и, может быть, он не касается напрямую темы лекции. Вы несколько раз упоминали охоту на ведьм, и было бы очень интересно послушать, с чего все началось, как люди, которые это устроили, оправдывали себя, почему все это закончилось и чем?

А. Г. Е.: Охота на ведьм — это явление, которое получает стремительное распространение в Европе уже в первой четверти XVI в. Первоначальным эпицентром стала Испания. И потом из Испании стремительно, как волна от взрыва, это явление распространяется на Францию, Италию, Германию, захватывает Англию, Северную Европу. С чем это было связано? Первоначальный импульс — это странные необъяснимые изменения, которые стали наблюдаться в Западной Европе после того, как установились контакты и связи с открытым Новым Светом, с Америкой, Латинской Америкой. Появилось огромное количество золота в Европе, которое приводит к всеобщей универсальной переоценке, вызвавшей страх в обществе. Почему вдруг цены на все стали стремительно взлетать? В этом стали видеть либо происки евреев, что вызвало сразу вспышки еврейских погромов, либо происки и корыстные устремления итальянских ломбардов, и опять же повсюду можно наблюдать уничтожение итальянцев. Их разгромили, а ничего не изменилось, продолжался стремительный рост цен, когда даже продукты питания стало невозможно купить. И тогда приходит такое объяснение, что повинны женщины-ведьмы, обладающие сверхъестественными способностями. Начинается охо-

та на ведьм, возникают соответствующие трактаты. Это были уже массовые гонения на ведьм, хотя исследователи говорят и о более ранних, может быть, не таких массовых, но все-таки тоже активных вспышках, которые имели место в предшествующее время, в XV в., даже в середине XIV в. Первый трактат о ведьмах — «Молот ведьм» — как раз был создан в конце XV в. Яковом Шпренгером и Генрихом Инститорисом. Однако тогда это не носило массового характера, охватывающего всю Европу. Вот что можно сказать о генезисе этого явления. А почему прекратилось? Просто-напросто произошло усреднение цен между тем, что было создано в Новом Свете, где были дешевая рабочая сила, легкодоступные источники ресурсов. Возникли новые мировые цены, все успокоилось, нормализовалось, и гонения стали бессмысленными.

С. Распопов, студент ТюмГУ: История ментальности насчитывает меньше века с начала изучения. Как она соотносится с работами культурных антропологов, этнологов? Знакомы ли были историки «школы Анналов» с идеями пралогического мышления Люсьена Леви-Брюля и Клода Леви-Стросса.

А. Г. Е.: Спасибо, очень хороший вопрос. Да, есть возможность говорить о влиянии более раннего опыта французских антропологов — Люсьена Леви-Брюля с его идеями пралогического мышления. Я думаю, что есть возможность говорить об интеллектуальной предпосылке теории «школы Анналов», теории ментальности. Наверное, о размышлениях психоаналитиков, в трудах которых появилось понятие «коллективного бессознательного». Но мне кажется, что именно теоретики «школы Анналов» смогли придать большую силу аргументации своей теории. В конечном счете она стала доминирующей и преобладающей: все гуманитарии стали пользоваться категорией «ментальности», а не категорией «пралогического мышления», которую предложил Леви-Брюль. И даже «коллективное бессознательное» словно бы отступает на задний план по сравнению с этой идеей. Все-таки она была более убедительно обоснована.

М. Г. А.: Очень интересная метафора с зеркалом: действительно, поставить перед Средними веками «зеркало» и посмотреть на этот период, чтобы увидеть его, «схватить» таким, каким он был. Но с другой стороны, мне кажется, что если немного выйти за рамки самого предмета исследования Средневековья, то здесь может быть и обратный процесс. Мы можем посмотреть на историю как на историю изучения Средневековья, и, соответственно, теперь Средневековье будет зеркалом для нашего времени. Потому что если соотнести интерес американских авторов к проблемам маргиналов, т. е. меньшинств в широком смысле слова, к проблемам женщин, с возрастом тех авторов, которые об этом писали, то очевидно, что эти вопросы ставит движение за гражданские права в США в XX в., которые, в свою очередь, переадресуются Средневековью. Интересно было бы поразмышлять, как бы могли историки будущего или ныне живущие социологи посмотреть на наше общество через «зеркало» Средневековья, как мы изучаем Средневековье и что это говорит о нас самих здесь и сейчас. Интересно, если ли вообще такие исследования?

А. Г. Е.: Дивная программа заявлена. Я думаю, что, конечно же, средневековое прошлое интересует и нас, и медиевистов Западной Европы, и медиевистов Америки прежде всего потому, что оно позволяет глубже понять тренды современности. Я думаю, что здесь позиция отстраненного взгляда оказывается важной. Все-таки почему в Европе не возникает такое представление? Потому что для них это свое собственное прошлое, прошлое европейских предков, прошлое нашей сегодняшней культуры, нашей сегодняшней цивилизации, наших сегодняшних ценностей, которое оценивается с особой внутренней болью. И исследователь здесь не может встать в позу интеллекту-

ального флагелланта, который в кровь истязает свое тело и создает страшную, бесперспективную, безрадостную картину. А вот позиция американских исследователей более отстраненная — это не их прошлое, их прошлое связано как раз с теми маргиналами, которые нашли в себе силы из этого тоталитарного общества бежать и устроить общество по иным правилам и нормам. И, в общем-то, они оказываются способными выработать другой взгляд на Европу, выработать другое видение ее прошлого.

Д. Сидоренко, юрист: В настоящее время Средневековье стало очень популярно среди молодежи, в том числе благодаря творчеству Толкиена, проводятся различные реконструкторские фестивали и ролевые игры. Как вы относитесь к тому, что сейчас в Средневековье играют, что это стало мейнстримом?

М. Г. А.: И тогда сюда же сразу вопрос про «Игры престолов».

А. Г. Е.: Да, это действительно новое явление, и медиевисты, которые профессионально занимаются изучением средневекового прошлого, это явление, некую моду на Средневековье в современности называют «медиевализм». Это значительное явление, и, может быть, оно заслуживает такого же специального предметного обсуждения, как то, что было представлено вашему вниманию сегодня. Я вижу в этом позитив, это позволяет людям интересоваться прошлым европейской и мировой культуры. И те, кто занимается реконструкцией, вынуждены изучать, что ели, что пили люди Средних веков, какую одежду носили и как ее изготавливали. В принципе, это углубляет понимание Средневековья. Я думаю, что в этой моде на Средневековье есть позитив. Может быть, именно это и есть «Новое Средневековье»: увлечение едой Средних веков, технологиями Средних веков, здесь мы можем заметить абсолютно экологически чистые способы получения энергии — ветряная мельница изобретена в классические Средние века — и сегодняшняя мода на установку этих мельниц. Интенсивнее всего это происходит в Голландии, Бельгии, но можно заметить, что эта мода стремительно распространяется и охватывает Германию, Британию.

Стенограмма подготовлена Д. С. Митюрёвой, Я. А. Поповой